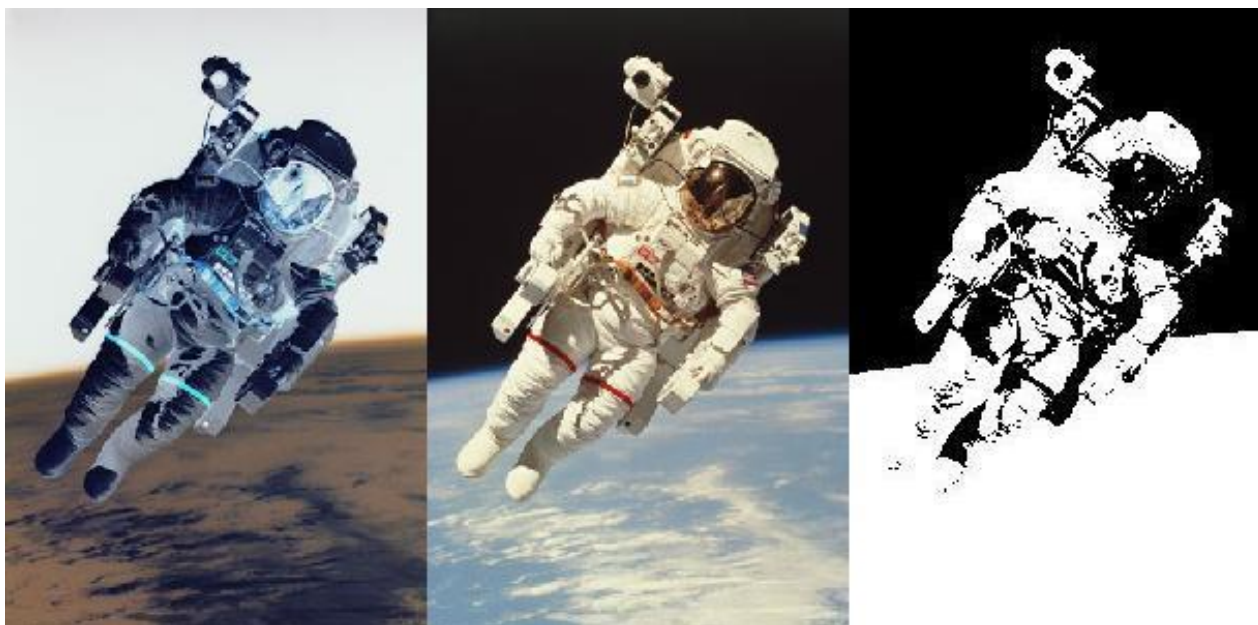

VISUAL ABC

by Emil Petrosian

*...я думаю, что
если бы мы устранили
уши, языки, носы,
то остались бы только
фигуры, числа, движения...*

Г. Галилей, Маленькие весы

339.

Я сидел в кафе с невымытыми окнами и смотрел на проходящих мимо людей. Кто-то торопился, кто-то, наоборот, медленно прогуливался. У каждого была своя скорость течения жизни. Я же в настоящий момент находился в болоте. Мне чудом удалось избежать армии, поступив в аспирантуру. Но чтобы высвободить время для написания диссертации, мне пришлось уйти с относительно высокооплачиваемой работы и преподавать в университете. Помимо этого, я был безнадежно влюблен в девушку, которая была также прекрасна, как и бессердечна.

Что тут скажешь, поэт работает органами чувств: зрительные образы переходят в тактильные, а затем в слуховые и обонятельные. Иногда все это происходит одновременно. И реальность теряется в ощущениях. Я смотрел на людей и чувствовал, как теряю ощущение реальности.

В ту ночь я видел сон, как вирус зла поглотил планету. И отчетливо видел зверства, прячущиеся в человеческих лицах. В той потусторонней человеческой толчее города шла злая красивая женская задница, обещающая продолжительный оргазм. И я думал, что эта задница все равно что уссурийский тигр, а я – охотник, который с взведенным ружьем идет след в след (**GOTO 703**).

291.

Осознание ненужности преследовало меня. Каждый вечер я препарировал свой панический страх, как лягушку. Я люблю ее, и это лабиринт, из которого нет выхода.

Я стоял, как распакованный телевизор, и это была самая дебильная и печальная сказка на свете. (**GOTO 46**).

165.

Сцена 1254. Набравшись смелости, я в очередной раз позвонил ей в дверь. Эпизод в бесконечном развертывании. Кто там? И в самом деле - кто я? А на двери неровным почерком нарисованы цифры 1 и 8. Ее снова не было дома, но дом был весь в ней.

После этого я бежал за своим текстом. Только без толку. Текст – просто эхо, подхватывающее мою внутреннюю речь. Речь с трибуны, обращенная вовнутрь. (GOTO 87).

209.

Во всех мыслях о смерти есть мотив отречения от детства. И я в этом смысле не исключение. В детских фантазиях всегда встречаются ситуации, в которых ребенок над кем-то властвует. Но я не хочу властвовать. Я хочу просто жить. Просто быть счастливым. Я не хочу искать работу. Я не хочу оказаться в том же самом дерьме, что и все остальные: в составе труппы дрессированных животных. Но мои поэтические опыты никому не нужны. Я часто представлял себе цивилизацию травоядных людей, которым не нужно ходить в продуктовые магазины (GOTO 316).

706.

Я вижу словами. Размышления о методе. Когда мы видим героя, мы видим человека, а не подвиг. Дьявол больше не предлагает гениальность в обмен на душу, максимум, что он может предложить сегодня – небольшую прибавку к жалованию. (GOTO 767).

286.

Проблема художника в том, что он вынужден использовать свое воображение, как Робинзон, которому предстоит построить свою жизнь с помощью одного ножа. Я мечтаю о ней в своих самых страшных мечтах. Она прячет от меня свои соски, как фальшивый паспорт. Я люблю ее так сильно, что мне оторвало голову. (GOTO 302).

167.

Вечерняя дорога домой. Разметка на дорогах как пунктиры на схемах или чертежах. В этом ракурсе сознание оказывается в невесомости. Где-то в параллельной реальности я подлетаю к ней и кусачками страсти перекусываю

кабель ее равнодушия. Я закодировал ее в текст, но она отказывается верить в свою бумажную версию. Ее части пронумерованы, как схема электроутюга.

В своих мыслях я увидел каркасы. Я увидел кубики смыслов, из которых можно собрать алфавит.

Человек в открытом космосе языка. Выход в космос начинается с выхода из дома. Выход в космос начинается с выхода из сна. Выход в космос начинается с выхода из самого себя. (**GOTO 31**).

44.

Я начинаю с гула языка. Я писал этот роман, чтобы похоронить в нем свое отчаяние. Мне не нужен был сюжет, кроме пылающего во мне чувства безответной любви. Вообще, я считаю, что сюжет – это всегда поверхностная форма текста: чем глубже содержание текста, тем меньше в нем сюжета. (**GOTO 892**).

301.

Этот трюк исполнялся в состоянии резкого раздражения и изоляции от окружающих. 7 декабря 2002 года окончательно собрав материал для романа, не смог его осмыслить. Не мог вспомнить, где себя оставил. Искал себя по всей комнате около 30 мин. Появились навязчивые мысли и страх сойти с ума. Был растерян, тревожен. Не спал по ночам. Просил всех спасти себя. Путал фрукты с пособием по карате. Несколько раз передавал сведения самому себе через ряд подставных лиц. Не пытайтесь повторить этот трюк. Опасно для жизни. (**GOTO 402**).

453.

К сожалению, вынужден признать общеизвестный научный факт: люди прекрасно обходятся без литературы. Я наблюдаю прибор своих мыслей. Их прибывает все больше и больше. И каждая из них огромна и экстравагантна, как Нью-Йорк. (**GOTO 657**).

802.

На самом деле, я занимался только одним - просто пытался дожить до лета. И упорно громоздил камень своей любви на вершину своего ума. Она прекрасно знает, как я слаб, как я подавлен и бодр в своем трагическом созерцании. Я ведь практически мочусь в штаны от радости, как только услышу ее голос.

Еще утром она стояла у светофора, и они вместе мне заморгали. И я превратил их в один знак. Как иероглиф. (GOTO 300).

540.

Кто-то из друзей сказал, что она ориентирована на деньги, большие деньги. И я бы отдал ей все, что у меня есть. Но неужели все так просто? Неужели вся ее загадка заключается в анализе моей экономической состоятельности?

Она просто перекрасила меня в черное. И я распадаюсь, как радиоактивный изотоп. Не знаю, можно ли теперь считать любовь прекрасным чувством. Никогда прежде я был настолько отвергнут и настолько несчастен. Мир уходит из моих ног. Но ей это безразлично. И то же самое можно сказать о близких и друзьях. «Ну влюбись уже в другую!» - слышал я от друзей. Как будто это так просто. Как будто речь идет не обо мне, а ком-то другом. Ком-то, кто не воспринимает жизнь так болезненно, как я. Где-то прочитал, что поэт все делает через боль. Все так и есть. (GOTO 87).

305.

Иногда мне кажется, что слово – такой же отработанный продукт, как и дерьмо. Я иду, стараясь не вляпаться в кучу слов, оставленную кем-то.

Основной философский вопрос для меня сегодня: как мне вытеснить из своей психики ее? Я просто постоянно задаю себе один и тот же вопрос: как она со своими большими сиськами смогла попасть в мою маленькую голову. Нет, я ничего не знаю о жизни. (GOTO 434).

785.

23:18. Сегодня ее снова видели. Мне рассказали все в деталях. Ее парень и она. Она прибежала к нему вся в слезах. Они хотят пожениться, но им строят

всяческие преграды. Все против них двоих. Они одни против всего света. Он так величествен в своем пренебрежении нормами общественной морали. Он верующий, ну и она, разумеется, тоже. Она ведь так его сильно любит. Каким религиозным дерьмом он забил ее хорошенькую голову? Он наверно сектант, и она вместе с ним.

Он стал ее успокаивать. Она гладила его по голове, говорила нежные слова, жалела и его, и себя. Ей было тяжело и легко. Она целовала его своими горячими припухшими от волнения губами. Они были единым целым. (GOTO 139).

847.

Как он ее приворожил? Что он с ней сделал, мать его! На что он ее купил? Я постоянно задавал себе этот вопрос. Я знаком с этим придурком. Но он реально же придурок. Он, помнится, как-то рассказывал мне, что видел бога. Неужели она повелась на это? Кто он такой, чтобы видеть бога? Даже я его не видел! (GOTO 285).

621.

Помню тот день, когда я в полном беспамятстве умолял ее на коленях. Я говорил, что не могу без нее жить, я и в самом деле не жил без нее. Да, я умолял ее, но еще вернее я умолял судьбу. Я просил судьбу сжалиться надо мной. Я послал к чертям всю свою гордость. Я просил только одного – взаимности. Я повторял: мы будем вместе, я знаю, мы обязательно будем вместе, это знак, знак того, что мы будем вместе. Но нет, чуда не случилось.

Поэтому сегодня я хороню свою любовь. Сегодня моя любовь сдохла, сдохла как бездомная кошка, окоченевшая на асфальте. Как цветы, оставленные человеком, идущим на верную гибель. Как страх на лице висельника. Как луч солнца, опустившийся на умирающий глаз. Мне страшно. Мне очень страшно. Я не вижу спасения. Я не вижу выхода. Я не вижу ничего, что могло бы вернуть мне жизнь. (GO FROM 950 TO 313).

372.

В том липком сне я видел ее солнечное кольцо – solar annulus – это нетронутый анус ее восемнадцатилетнего тела, с которым ничто столь же слепящее не может сравниться, разве что солнце, хотя анус - это ночь. (GOTO 745).

298.

С тех пор, как я потерял любовь, я мало говорю. А если и говорю, то мало кто меня еще понимает. Мой язык вымер в один день. Словно кто-то перерезал провод. Мертвый, как языки древнего мира. Нет, теперь мне просто не с кем говорить. Я говорю сам с собой. До тех пор, пока я себя еще узнаю. Я еще надеюсь увидеть солнце, но дни падают к моим ногам, искалеченные взрывной волной моего отчаяния. (GOTO 866).

761.

Утро. Наконец, хорошее настроение. Солнечно и пыльно. Хочется набраться солнца. Вчера смотрел передачу про насекомых. Может, из-за этого. Никогда еще не приходилось видеть такой реалистичной картины современного общества. Знакомые все лица. (GOTO 919).

821.

Вообще, мы довольно часто с ней виделись. Но у нас с ней паранормальные отношения. Я люблю ее. И это как полтергейст. Думаю, у нее не только нет чувств ко мне, но и совсем нет чувств. Она просто механизм, работающий в несовместимом со мной режиме. Тест Тьюринга. (GOTO 157).

9.

Зима, вот уже почти совсем зима, как в фильмах, тяжеловесных черно-белых фильмах, в которых все перемешалось, и эта мешанина воспринимается естественно и обреченно. Сегодня мой друг Сэм показал мне свои новые стихи. Среди них было одно весьма неплохое. В нем он говорит о том, что если бы его

слова были пчелами, то они обязательно сделали из девушки его мечты мед; а если они были бы мухами, то дерьмо. На самом деле, грань очень тонка. Мед – это просто успешное дерьмо (**GOTO 163**).

63.

Сегодня я проснулся в 8:00. Была прекрасная погода. Солнце вперемешку со мной, и все переливается. Еще бабье лето. Хотя уже октябрь. А точнее, конец октября. Я плотно позавтракал и выглянул в окно. Было еще рано, и я пошел смотреть телевизор. Показывали прекрасный светлый старый добрый фильм-детям. Я вспомнил себя школьником. И как я был тогда счастлив, и первое сентября, когда я шел в школу весь начищенный и сверкающий.

И как много у меня тогда было занятий. Я увлекался марками, аппликациями и бумажной мультипликацией – мы рисовали “фильмы” на длинной бумажной ленте, а потом показывали друг другу, мои фильмы были одними из лучших, я “снимал” и про динозавров, и про карате, и даже была одна любовная история, довольно простая, но со счастливым концом.

А в классе 5-ом или 6-ом я стал писать сатирические рассказы. Я просил учителей выделить мне в конце урока время, чтобы я мог прочесть свои юморески публично. И всем это нравилось. Все просто умирали со смеху, даже сами учителя. Я тогда еще мало, что понимал в этом мире. Мне казалось, что мир относится к тебе так же, как ты к нему. Поэтому я совершенно не понял, почему меня впервые побили в 4-ом классе два старшеклассника, за то, что я дразнил сестру одного из них. Можно же было все объяснить на словах. Хотя у нее был такой прекрасный орлиный клюв вместо носа, что слова «тив-тив-тив» сами вылетали из моих уст. Но один толкнул меня, а другой ударил меня ногой – и я упал. Я не мог объяснить существование насилия тогда, не могу объяснить и сейчас. (**GOTO 459**).

66.

В седьмом классе мне нравилась одна девочка, но я ей ничего не говорил. Потому что она была такая красивая, и у нее были гладкие красивые загорелые ноги. И я постоянно терялся при виде нее и мечтал о ее коленях. А потом как-то в школьной

анкете одной их одноклассниц, я написал, что люблю ее. И на перемене она принесла мне эклеры, и мы ели их, сидя на подоконнике в одном из самых отдаленных уголков школы. Я был счастлив, правда не совсем представлял, что делать потом. Мы ходили друг другу в гости и – я только сейчас я понимаю, насколько прекрасно и невинно мы целовались. (GOTO 9).

911.

Ровно в 21:00 я поднялся на стартовую площадку, собрался с силами и позвонил ей в дверь. Она открыла. Из-за ее спины послышался голос отца: кто это там еще. Я сказал: это я, здравствуйте. Она придержала отца, находившегося, по-видимому, в довольно непростом настроении, сказав: это ко мне. Итак, каждый сказал по реплике. Что же будет потом. Я стоял, неуклюже переминаясь с ноги на ногу и шурша твиксами, купленными только что в угловом магазинчике. Она не собиралась впускать меня внутрь. Чей ход? Она сказала, что занята, что у нее сейчас в комнате полно ее друзей и что они все заняты. Она сказала “извини”. А я все стоял и не понимал, почему все так происходит. Почему я не могу пройти в ее комнату к ее друзьям? Почему она так жестока со мной? Почему она меня ни во что не ставит? Мы простояли минуты две. Я сказал: ничего, нет проблем – и слетел по лестницам вниз, где было темно и холодно. Я весь горел. Ничего, док, я выживу. Где-то через дорогу толпились и шумели проститутки, и ярко светились разноцветными витринами круглосуточные супермаркеты. Ночь застывала, как мазут. Двигаться становилось все труднее и труднее. Я ощущал себя инопланетянином, чей дом в нескольких миллионах световых лет отсюда. (GOTO 646).

127.

Ноябрь начинался как землетрясение, шел дождь очень напоминающий снег, а внизу проходили люди, очень напоминающие призраков из аниме. Я вышел на общий балкон подышать свежим воздухом. Возле моих ног увивалась глупая пегая дворняжка, которая уже почти год жила на нашей лестничной клетке. Это была небольшая продолговатая ласковая собачка, почти всегда беременная и с непрерывно виляемым хвостом. Ночи Кабирии. Правда, в последнее время она большей частью находилась в подавленном состоянии. Может, приближение зимы или постоянный голод, или небеременность.

Я смотрел с балкона и даже жалел, что не курю. Сейчас можно было бы задуматься о чем угодно, этот воздух прочищает мозги типа шомполов для винтовки или автомата. Что до собачки, то она была такой доброй и такой несчастной. Может в прошлой жизни она была Шекспиром или Моцартом. Как и я. (GOTO 151).

840.

Иногда я читал живые электронные дневники в интернете. Я всегда любил позлорадствовать. Кто-то вновь сменил прокладку, пара студенток влюбилась в своего преподавателя, одна призналась своему парню, что лесбиянка, другая потеряла работу. И этот список можно продолжать до бесконечности.

Но этим постам не хватало экзистенции, например, я бы на их месте написал о том, как: трое студентов утонули по дороге в университет; две девушки забеременели от просмотра порно; известный велосипедист наехал себе на член, выйдя на финишную прямую на гонках Тур де Франс.

Все эти люди из компьютера одновременно реальны и виртуальны. Я не встречал их в реальной жизни, но знал о них больше, чем о себе. (GOTO 264).

78.

В тот день я ее дождался. Мы шли по улице, и я был почти счастлив. Она мне показала, новую дырочку на мочке и сказала, что таких у нее будет ровно семь, вдоль всей ушной раковины. И потом я увидел на ней какой-то висячий амулет. Я спросил, что это. А она сказала, что это ее портрет, который нарисовала ее подружка. Ей тогда было 15 лет. Боже мой, еще три года назад она была совсем маленькая и одна, а теперь у нее парень, которого она любит, но о котором практически никогда не говорит, словно это касается кого-то другого, не ее, такой светленькой и сладенькой. Я взял амулет в руки. Это была тоненькая квадратная дощечка, на которой был нарисован ангел, типа того. А за спиной у ангела были вроде как крылья. Нарисовано было очень кустарно, совсем по-детски, в плохом смысле этого слова. Я ощутил внезапное отвращение к этой вещи, а ей я сказал, что это прекрасно.

Потом я попросил ее, чтобы она пропустила сегодняшние лекции. Но она сказала, что у нее социология, Конт. Я сказал, что расскажу ей о Конте, позитивизм – это

как раз подходящая тема для того, чтобы развернуть ее чувства в мою сторону. А она сказала, что нет, ей все равно нужно попасть на лекцию. Мы прогуливались по еще летнему огромному парку, расположенному вблизи ее универа. Мир простирался далеко за горизонт. Он был бесконечен и прекрасен, как время, которое я проводил с ней. (GOTO 241).

311.

И еще она сказала, что она альтруистка. Я сказал, что это полнейшая фигня. А она сказала, что нет, ей хочется заботиться о всех на свете, и она помогает всем, кто к ней обратится. И я спросил: а до какого предела ты можешь им помогать; есть ли что-то, через что ты не можешь перешагнуть для помощи другим. Она поняла мой намек. Я и в самом деле хотел, чтобы мне помогли. Хоть раз в жизни. И мне нужна была только одна помощь – ее.

Потом я показал ей красное квадратное стеклышко, которое извлек из своего поломанного фотоувеличителя. Я сказал, что когда встаешь утром рано и нет настроения, достаточно посмотреть в это стеклышко, и все становится светлым, ведь цветной монохром – это больше цветной, чем монохром. А иногда это стеклышко мне напоминает Марс. Стоит только приложить его к глазу, как оказываешься на Марсе, и вокруг все красное и напряженное, а все люди – марсиане. Может мы и в самом деле на Марсе, а это стеклышко – единственное отражение реального положения дел. В этот момент я почувствовал, что и в самом деле веду самые что ни на есть марсианские хроники. Ты читала Брэдбери? Нет. (GOTO 107).

776.

Погуляв около получаса, она сказала, что ей нужно успеть хотя бы на вторую пару. И мы перешли дорогу. Пока мы переходили дорогу, она мне рассказала, что хочет сделать себе пирсинг на пупке. А я спросил, а ты бы сделала пирсинг на сосках. Причем я сказал просто “сосках”, а подумал, боже мой, я говорю о твоих сосках так, словно это что-то несущественное. Наверно это так и было слышно – я сказал “пирсинг на сосках”, а подумал – “я присосался бы к ним намертво, пусть даже вызывают МЧС”. Она ничего не ответила. (GOTO 540).

963.

В тот момент я подумал: интересно, как она моется в душе. Наверняка она очень бережно растирает свое тело, я даже уверен, что после купания - перед тем, как выйти из ванны - она целует себя куда-нибудь в плечи или в колени. И я представил, как она довольно нежно трогает себя между ног, еле прикасаясь, проводит по внутренней части своих бедер и, почувствовав возбуждение, крепко зажимурируется от восторга, извиваясь кольцами, как змея. Я часто вспоминаю ее смех, и то, как он преследует меня, вызывая во мне посттравматический синдром. (GOTO 80).

118.

Жизнь полна бессмысленной скорби. Ведь вполне возможно, что сейчас – пока я пишу в полной темноте, а на улице около трех ночи, и единственное светлое пятно за километр вокруг это мерцающее свечение моего монитора – она под дикий грохот дискотеки сосется или трахается с каким-нибудь случайно подвернувшимся мудаком.

Я прочитал кучу книг по восточной философии, особенно по китайской философии чань. Я пытался усмирить себя, принять реальность такой, какая она есть. Но опять ничего не получилось. Моя любовь была обесценена, девальвирована, растоптана в грязь. И этому у меня не было внятного объяснения. Да я и не хотел искать ей оправдания. Виновна, ваша честь! (GOTO 698).

98.

Короче говоря, я решил уйти с головой в работу. Поскольку в то время я был аспирантом на кафедре и преподавал ряд дисциплин, то подготовка к лекциям отвлекала меня от острой душевной боли неразделенной любви.

Мои преподавания в университете стали для меня страшнейшим из испытаний. Я не был уверен практически ни в чем, из того, что рассказывал своим студентам. А они слушали, как мышки. Они думали, что так и надо себя вести, ради тех хороших оценок, которые я им с самого начала пообещал. Но вот мне задали вопрос. Я прекрасно знал на него ответ. Я видел этот ответ сотни раз в разных

учебниках. Но я не мог его произнести. В нем не было фундамента. Это знание не убеждало меня ни в чем. Оно просто добавляло мне проблем.

Я попросил их дать мне 10 мин. Лица в аудитории ехидно заулыбались. Я слышал голоса студенток, которым я наверняка нравился. Они просили всех замолчать. Они не хотели, чтобы что-то могло испортить мне настроение. Они хотели оставить это право только за собой. Я же стоял возле доски и не мог сконцентрироваться. Все передо мной плыло. Я не понимал, какого хрена я здесь делаю. Черная доска превратилась в белую...дверь. (GOTO 878).

584.

Мне всегда было интереснее общаться с глупыми людьми, чем с умными. Все дело в том, что общение с умными – необходимость, а с глупыми – удовольствие. Я до сих пор не могу совмещать необходимость с удовольствием. Поэтому, как только я приходил домой, я ужинал и выходил во двор, чтобы пообщаться с местными дворовыми ребятами, которые нигде не учились и нигде не работали. Все дни напролет они проводили либо на улице, в беседках, либо друг у друга в гостях, распивая спиртные напитки. Я им рассказывал о том, как устроен физический мир и что такое квантовая механика. Им это было чрезвычайно интересно. А я отвлекался от негативных мыслей и повышал собственную самооценку. Несколько раз они задавали очень умные вопросы. Определенно, в чем-то они были умнее студентов, которым я преподавал. (GOTO 175).

390.

Что-то было потеряно безвозвратно. Что-то окончательно погасло. Тоскливая вечерняя сырая погода. Кто-то вдалеке возвращается с работы. Скоро Новый Год. Старая добрая ситуация “дня сурка”.

Иногда после работы просто нет сил включать свет. Все сидишь в темноте, все думаешь, а в темноте все движется, и ты чувствуешь это. И сквозь глаза струится детство. Старый двор. Деревья. Вот мой первый велосипед. Вот я иду в первый класс. Вот мы играем в футбол. Еще немного и я встречу мою первую любовь, беспрерывно поправляющую трусики, забившиеся в ее кругленький задик. Куда бы еще сходить? Вот утренник, я читаю стишки Тютчева и Фета в детском саду. Меня все хвалят, у меня шикарная память, и я читаю с таким выражением. Вот

мы с мамой идем в «Детский Мир», она покупает мне конструктор, а чрезвычайно красивый папа встречает меня в аэропорту после черноморского отдыха. (GOTO 864)

814.

В почтовом ящике оказалось «письмо счастья». “На основании закона “О всеобщей воинской обязанности” предлагаю вам явиться в райгорвоенкомат по такому-то адресу во II-ое отделение для прохождения медицинской комиссии. При себе иметь: паспорт, удостоверение о приписке к призывному участку, настоящую повестку. В случае отсутствия вызываемого или его болезни просьба к родственникам, жилищно-эксплуатационной организации и т.д. сообщить об этом в райгорвоенкомат письменно или по телефону и возвратить повестку с пометкой о местонахождении вызываемого.” Беда никогда не приходит одна. Но у меня аспирантская отсрочка, поэтому военкомату в ближайшее время ничего не светит. (GOTO 14)

765.

В темноте свет вспыхивает резко, как бомба. Ударной волной откидывает на кухню, к чаю. Так замыкается круг. (GOTO 827).

155

Суббота стала довольно загруженным для меня днем: я преподавал в универе. Разница в возрасте между мной и моими студентами была очень небольшой. Я с самого начала провозгласил свободное посещение, поэтому на мои лекции приходили одни только девушки, парни ошивалось в буфетах и на университетском дворе. Не буду рассказывать о том, как я разочаровался в преподавании, скажу лишь, что это была пустая трата времени. Это было не нужно ни мне, ни им. Не знаю, может, мне попались не те студенты. Или может им, студентам, попался не тот лектор. Словом, вряд ли они меня вдохновят на что-нибудь типа “За стеклом”.

Во-вторых, я вознамерился проводить в Центре современного искусства проводить семинары по философии искусства. Для этого я как-то собрался с силами и подошел к худруку этого притона. Мы поговорили о том о сем, об

искусстве в нас и о нас в искусстве. Худрук пообещал мне позвонить. Сказал, что идея неплохая, но ему надо все обсудить с его шефами, в смысле собственниками этого центра.

Через пару дней где-то около часа ночи раздался телефонный звонок. Я спросонья не узнал голос. Это был худрук. Он поприветствовал меня как ни в чем не бывало. Сказал, что хочет со мной поговорить. В назначенный день я пришел. Он познакомил меня с одним типом, куратором по части изобразительного искусства, который два часа подряд что-то мне самозабвенно рассказывал о Витгенштейне. Он говорил одними утвердительными предложениями. Для него картина мира была полностью сформирована. Детерменист, мать его. Я очень удивился полному отсутствию фантазии в его рассуждениях. Он цитировал и цитировал, как магнитофон. Если еще учесть то, насколько он и в самом деле далек от естествознания, - становится совершенно ясно: философом ему не быть. Короче говоря, он сказал, что не нуждается в моих услугах, что с философией у них и без меня все в порядке. Я с ним согласился. (GOTO 5).

268.

Было почти тепло. За один день я успел побывать в трех вузах. Мы набирали людей для маркетинговой фирмы нашего приятеля. Я экзаменовал. В основном, магистратура. Ничего не помнят из пройденной программы.

После этого я оставил своих приятелей в кафе, а сам поплелся в ЦСЭИ. Там бесплатно показывали авангардные фильмы. В этот раз был Гринуэй. Фильмы представлял известный киновед. Он всегда очень долго рассказывал о фильмах и режиссерах, хотя мне было совершенно не интересно, как снималось кино. Мне всегда было интересно, что есть кино. Но ответов на такие вопросы киновед не давал. Поэтому я посмотрел фильм, а затем на всякий случай по дороге домой зашел в церковь. (GOTO 84).

339.

С момента моих первых литературных проб, мне всегда казалось – и до сих пор кажется, - что у меня совершенно нет читателей, и наверно быть не может.

И вот мне стала писать на мэйл какая-то постоянная читательница моей сайта по имени Лена. Она всегда критиковала меня. Как окажется впоследствии, она просто пыталась привлечь к себе внимание. Валери Соланас.

Вот что она написала в последнем письме.

“Отнестись к тебе однозначно, значит отнестись не к тебе, значит вообще не отнестись. Мозаичная многоликость твоя застаёт врасплох и заставляет задуматься. Мир твой влечет и отталкивает, вызывает восхищение и отвращение, недоумение и гнев, любопытство и брезгливость. Полифоническая насыщенность твоих текстов раздражает разнообразием и изменчивостью фактуры. Сколько же тебя, беспощадного, беззащитного, бессильного, агрессивного, невинного, похотливого, порочного, безобидного, грубого, ранимого, неуверенного, обвиняющего, оправдывающегося, жалкого, безрассудного, ущербного, снисходительного?!! Мне не по себе за тебя, не тогда, когда ты, не задумываясь особо, посылаешь всех, а когда выставляешь себя на всеобщее обозрение с самоуничтожающей обреченностью. Самовоскрешение через самораспятие”.

У нее явно шизофазия. Позовите врача! Да не грача, а врача! (**GO FROM 321 TO 909**).

477.

Была суббота, мне позвонил один мой приятель. Я бросил все свои записи, над которыми трясся с утра, и поспешил к метро, где мы договорились встретиться. Еще только начало осени, еще много неприкрытого женского тела, обернутого в тонкий трикотаж.

У метро, как и договорились, я встречаю приятеля. На душе муть. Мы некоторое время болтаем обо всем на свете – в основном, о политике. Странная, конечно, тема для разговора молодых людей. Потом он предложил сходить в ночной клуб. На самом деле, я терпеть не могу попу, да и танцевать я не люблю, если, конечно, это медитационный джаз и тонна алкоголя в башке. Но парня давно не было в городе, и я решил его уважить.

У входа толпилась большая очередь. Фейс-контроль. Девушки на максимуме своей красоты. Мы взяли пиво и приземлились в самом неприметном углу, откуда все было видно, как на ладони. Вот и первые танцоры диско. Одна блондинка

сексапильно танцует, ее тело извивается, а во взгляде что-то от Медузы Горгоны. Ее груди скачут по танцполу, как мячики пинг-понга. Все танцующие смотрят на себя в огромное настенное зеркало. Танцпол набивается до отказа. Очень много красивых девушек, и все что-то пытаются продемонстрировать. Причем, с таким усердием, словно пытаются высечь из сырой деревяшки огонь. Я приглядываю себе двух рок-н-рольных телочек. Одна высокая и сексуальная, правда у нее сиськами не очень, но зато все остальное – вполне. Вторая – невысокая, с пышной надушенной грудью (декольте до еле заметных краешков сосков) и мясистой задницей. Я подваливаю к высокой и начинаю ее грузить. Потом знакомлю приятеля с пышкой. Мы весело щебечем с девушками. Дальше все как в тумане. Помню, что она тащила меня танцевать и все время кусала за язык. (GOTO 602).

972.

Впоследствии мы еще несколько раз бывали в этом клубе. В него кстати довольно часто ходили иностранцы. Девушки виртуозно вертели своими юркими задницами у них перед носом, чуть ли не засовывая свое добро им в ширинку. Пары образовывались довольно быстро. Потом они отлучались. А еще позже возвращались и уже до самого утра не выпускали из рук гениталии друг друга. Я наблюдал это с огромным интересом. Я словно разглядывал в микроскоп совершенно незнакомый мне микромир бактерий.

Посещение этого клуба стало для меня лабораторной работой. Это продолжалось до тех пор, пока меня вытянула за руку какая-то белобрысая женщина лет сорока пяти. Она спросила, как меня зовут, а я сказал, что не танцую. Она сказала, а все-таки, как вас зовут. Я сказал Эмиль. Она заговорила со мной по-французски. Я ни хрена не понял и уж было направился к своему столику, как она повисла на мне и стала выделять какие-то колебательные движения типа танго. Я решил уважить старушку и подержал ее на весу, пока она крутила ногами и даже, кажется, заехала ногами кому-то в морду. Она, совсем потерявшись, стала вовсю шарить по моей груди и заднице. Я читал о таком в новостях. Секс-туризм и все такое, но не думал, что сам окажусь в такой дебильной роли.

Через минуты две я уже шел по ночному проспекту, было прохладно, я шел скорыми шагами. Вдруг передо мной проскочила какая-то крутая тачка. Она резко притормозила и из нее выскочила симпатичная девушка. В машине сидел жирный тип в галстуке. Девчонка побежала в мою сторону, я успел разглядеть ее

заплаканное лицо. Очень стройна, по-простонародному красивое лицо, тонкие изящные руки и длинные растрепанные волосы. Она выглядела совсем юной. Тип немного подождал, затем увидев, что девочка сворачивает за угол, дал газу и поехал за ней. Я слышал, как он кричал ей вслед: «стой, сучка! вот блядь, а! стой, а то убью на хуй!». Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир. (GOTO 386).

492.

Снова дневной сон. Он плещется вокруг люстры. Как в стакане, отбрасывая блики. Я замечаю, что усы, которые я оставил после последнего бритья, выросли большими и пышными, как заросли папоротника. Именно в этот момент стол превратился в тессеракт – и я уснул.

Когда я проснулся, я точно знал, что несколько неуклюжих движений пультом от телика и, возможно, жизнь заиграет во мне с новой силой. Я снова смотрел передачу о животных и снова понимал, что смотрю фильм о себе.

681.

В детстве я очень мало играл с игрушками. Говорят, что к двум годам интерес к игрушкам у меня пропал окончательно. Но особенно меня воротит от кукол. Ребенок играет в куклы по двум очень важным причинам: чтобы приобрести необходимые навыки воздействия на людей (режим, наказание, прощение, манера одеваться, сфера занятий, круг интересов, питание, моделирование реакции кукол на появление хозяина или кого-либо из приближенных ему, мысли, заботы и т.д.); чтобы увидеть себя вне семьи, то есть приобрести своего рода самостоятельность от родителей. Почему-то, говоря о куклах, мне вспоминается альбом группы Metallica.(GOTO 854).

445.

Сегодня я ее видел. Я проезжал мимо на маршрутке, а она шла со своей матерью. Она была в какой-то красной шапочке. Как она была прекрасна... Наверно они шли к приболевшей бабушке. И скорее всего в конце этой сказки мне вспорют живот. (GOTO 27).

421.

Любовь. Сейчас это единственный смысл в моей нынешней дискомфортной жизни. Я люблю, следовательно я существую. Я смотрю на нее, и моя жизнь наполняется смыслом. Странно, я искал смысл, а нашел любовь. Пределы моего мира всегда совпадали с пределами моей любви. Я постоянно ловлю себя на мысли, что повсюду ищу ее: на улице, в магазинах, кинотеатрах, метро, окнах и даже в абстрактных картинах. И, что самое интересное, - нахожу. (**GOTO 38**).

289.

Ранняя весна проявила себя. Солнце светит ярко. Наверно все-таки завтра тоже будет неплохая погода. Деревья вдоль дороги, деревья моего детства уходят в закат. Это тот самый парк, в который так часто в детстве я прибегал покататься на качелях, ползать по деревьям, погонять в листве мяч. Старый осунувшийся парк с ржавыми качелями и тёплыми воспоминаниями. (**GOTO 634**).

563.

Тогда в детстве я ходил в группу продленного дня. И мы приходили в парк всей нашей группой. Я собирал опавшие листья, мечтая по дороге домой выпросить у бабушки новые марки. И она покупала их в киоске у толстой женщины с большой коричневой бородавкой. Потом мы возвращались в школу, и воспитательница давала нам задание приклеить собранные листья в гербарий.

А потом я играл с одним очкариком в шашки. И вдруг мне ужасно захотелось в туалет. Я уже не мог терпеть. Обычно я не ходил в школьный туалет, но теперь было не до этого. Я попросился выйти. Мне запретили. Я попросил еще раз, но заменявшая нашу воспитательницу женщина опять не разрешила. Я просто не знал, что мне делать. Я был в отчаянии и больше не мог терпеть, я стал мочиться под себя. Я играл в шашки и потихоньку мочился. Все смотрели на меня и смеялись. Все до единого – и те кого я боялся, и те кто боялись меня. И даже воспитательница. Она только и сказала мне сквозь смех: иди к батарее, обсохни. И я сох, часа два. И все проходили мимо и смотрели на меня, как на что-то омерзительное. Грегор Замза. Потом пришли мои родители и чуть не убили

воспитательницу. Но свое черное дело она уже сделала. Я запомнил эту сцену на всю жизнь. И эта учительница так и преследует меня всю жизнь, принимая обличия разных людей в моем окружении. (GOTO 54).

761.

В настоящее время я пишу диссертацию, от защиты которой зависит моя воинская повинность, то есть невинность. Времени остается все меньше и меньше. Обычно, плотно позавтракав, я сажусь за компьютер, открываю тот самый файл и смотрю на диссертацию, как на какую-то абстрактную картину, пробуя отыскать в ней следы разума. И ничего не нахожу. Но самое интересное происходит, когда я просматриваю файл в превью: разом можно увидеть около трети текста, и это мне представляется концептуальным панно, в котором письмо только отталкивает смыслы. Видимо, в науке слишком мало моджо. И в самом деле, как только в научном исследовании появляется моджо, оно становится произведением искусства. (GOTO 181).

392.

Один мой приятель сегодня принес мне неплохие стихи. “Этот дождь пошёл вовремя. Мне приятно хреново. Мне очень хорошо плохо. День упруг, как вагина. Жизнь – это фильм, который я видел миллион раз и дрожил в том же самом месте. (GOTO 253).

2615: Я иду по освещенным улицам. Улицам длинным и широким, просторным и красивым. Рабочий день позади. Закрытые офисы, круглосуточные супермаркеты и дискотеки. Сознание отказывается анализировать, оно только синтезирует. И ты ощущаешь себя синтезатором, способным воспроизводить все, кроме себя самого. (GOTO 2520).

26.

С этой девушкой я познакомился недавно. Я говорю ей, как она хороша. И ей это очень нравится. Я ощущаю работу ее гормонов и приток крови к яичникам. Эта девушка даже красивее той, которую я люблю. Я понимаю это умом, но не сердцем. Я с усердием естествоиспытателя исследую выпуклости и вогнутости

ее тела. Я просовываю руки ей между ног. Она просовывает пальцы мне в рот. Она пахнет сексом. Все ее настройки внизу: я могу настроить цвет, яркость, освещение и контрастность ее глаз; я могу настроить плотность и объем ее груди, могу регулировать цвет ее сосков и подвижность ее языка. Она ритмично покачивает своей задницей. Синкопы, соло, свободные импровизации. Это настоящий секс-джаз. И я ощущаю себя Майлзом Девисом секса. (GOTO 1694).

645.

Из всех живущих на земле людей больше всего на свете я люблю свою маму. Она сделала меня живым существом. Она старается не афишировать, что я поэт. Говорит, что это хобби, которым можно заниматься только в свободное от основной работы время. Я постоянно придумываю маме прозвища. Мамалыга, мамино лыко, мамость, главком, главмама, генсек, мамин кот, политрук, комиссар, завмаг, штабс-капитан, Мам Мамыч. Люблю запах мамы. Люблю кусать ее за пухлые руки. Мама, в ваших руках мое терпение. (GOTO 465).

2078.

На днях один мой приятель предложил мне халтурку. Мы пошли рисовать большую афишу. Рисовали мы прямо на морозе. Мы нарисовали девушку с кувшином, похожую на какого-то тайского трансвестита. Я чертежным почерком вывел буквы «Кавказская кухня», и с нами расплатились двумя старыми электрогитарами. Обе гитары были похожи на старых потасканных шлюх. Таким образом, нарисованный транс достался хозяевам заведения практически бесплатно. Свою гитару я сразу выбросил, потому что как только я подключил ее к комбику, она стала выть, как раненый енот, и вызвала во мне рвотные позывы. Жаль, конечно, а то мы уже подумывали открыть мастерскую по художественной наружной рекламе. (GOTO 2594).

345.

Вот уже второй год я хожу на спектакли в театр пантомимы. Роли музы в спектаклях исполняет старшекласница с золотистыми волосами и чудным бледным личиком. Она вконец измучила сдыхающего художника, чью роль исполнял лысеющий гуттаперчевый парень. Она была дочерью одного из бывших

актеров этого театра, хотя, по правде, мне решительно наплевать, кто она была и как она здесь оказалась. Она присутствовала и этого было достаточно. Я с удовольствием досматривал спектакль и с каким-то нежно-щемящим чувством выходил в пустоту сгущающегося осеннего затмения. Нет, конечно же, сразу я не уходил, я ждал, пока выйдет она, муза. Я наблюдал за тем, как растет и приобретает зрелые формы ее упругое тело. В детстве она ходила на балет, и это было заметно на сцене. Ангелочек, так я ее называл. Заккрытие сезона – она на сцене. Я заметил новации – она полностью оформилась в прекрасную девушку с крепкими длинными ножками. Это существо смотрело на меня со сцены, и я ощущал, что оно набухает, как бутон. Мне хотелось дать ей какое-то нежное японское имя. (GOTO 515).

75.

Я вспоминаю тот самый свой день рождения, когда мы с друзьями напились на даче до потери пульса и валялись на асфальте, какдохлые кошки, а потом один из нас пришел в себя, не помню кто, и блеванул на кого-то, не помню кого. Насмотревшись фильмов, я пытался топить свою любовь в алкоголе.

Когда я стал понемногу приходить в себя, то пошел в ванную, в которой валялись чьи-то носки. Я откинул их ногой и сел напротив умывальника с задумчивым видом. Мне ни фига не полегчало. Может, перейти на йогу или медитации? Я осмотрелся. Одного моего приятеля от водки отбросило в гамак, в котором он коптился на солнце. А второй при неимоверном скопище мух дрых на какой-то трапецевидной тахте, как воздушный гимнаст. (GOTO 942).

131.

Тотальная хандра. Выглянул в окно: там тот самый чувак, у которого года два назад совсем снесло крышу, и он мотался с камерой по городу и снимал бродячих собак для автобиографического фильма. А с ним ничего себе телка, хлопает себе глазами и пытается блеснуть своей задницей во всех ракурсах. «Что нового?» — говорю я ему и нагло разглядываю ее ляжки. «Все нормально» - сказал он, делая глазами знак, чтобы я отстал. «А ты работу нашел?» - спросил он меня. «Нет» - сказал я и попросил познакомить с его новой знакомой. «Алина» - игриво сказала она. «Блядина» - подумал я. (GOTO 156).

457.

Я постоянно вспоминаю, как несколько лет назад покупал в подземке “I Sing the Body Electric” Weather Report. Я стоял возле ларька звукозаписи и слушал инопланетное хмурое звучание мелодии, которая пожаром перебрасывалось на проходящих мимо людей. Это было как поток воды после изнурительного перехода в пустыне. И вдруг я ясно ощутил, что жив, и что этой своей жизнью я благодарен этой музыке. Музыка вернула мне жизнь. И я хотел, поделиться этой жизнью со всеми. Я хотел направить поток жизненной энергии в людей. Я думал, что в любом случае она окажет на них хоть какое-нибудь влияние. Если не положительное, то хоть отрицательное. Будда говорил, что свеча отдает свет, но света у нее не убудет. Нет я себя не виню, ведь в тот момент я знал так мало о людях. Вот именно тот бар, в котором я видел ее обезглавленное тело в его объятиях. Она улыбалась и мне, но я сразу смекнул, что это не ее голова. (GOTO 784).

763.

Газета “Коммунист” за 20 февраля 1990 года. Мы с друзьями пошли посмотреть на застывшее водохранилище неподалеку. «Это настоящий каток!» – сказал кто-то из ребят, встав на лед. Потом на лед вышли мой брат и друг. Стоило им немного пройти, как лед под ними треснул - и они оказались в проруби.

Я растерялся и побежал вытаскивать их из воды. Но лед был очень тонок, и я тоже провалился под лед. Прямо над водоемом проходило шоссе. И люди, заметив чрезвычайность ситуации, повыскакивали из машин и застыли в ожидании того, чем же это все закончится. Так обычно смотрят, как тонут котята. В какой-то момент мне удалось наполовину выплыть на льдину. Она была слишком хрупкой и не выдержала бы всего моего веса. Я посмотрел над собой и увидел на шоссе целую кучу людей. Среди них было много женщин, и все они визжали, орали и причитали. Я еле пробивающимся сквозь дрожь голосом провыл: “Помогите!”.

По их лицам я понял, что это произвело какой-то эффект, но около двухсот человек наблюдали за тем, как погибает двенадцатилетний мальчишка и ни одна сука не сделала ни одного шага навстречу. Вниз по склону было около ста метров. Я попробовал просить о помощи еще раз. И на этот раз потерял сознание. Меня выловили со дна. Ими оказались проезжавшие мимо советские офицеры. Очнулся

я голым в компании с жалостливо разглядывающей меня медсестрой. Она сказала, что у меня была клиническая смерть и что у меня температура 34.4.

Я вспомнил лица врачей, которые вкололи мне пару внутривенных и растирали до костей. Меня укрыли пледами и дали чай. Через некоторое время прибежали мои родители с полоумными глазами. С этих самых пор я и стал думать о своем сверхъестественном предназначении. Я стал частью своего собственного мифа. **GOTO 587).**

51.

Сегодня я снова преподаю. Придумал себе электив «психология рекламы», который оказался очень востребованным у студентов. После лекции как правило я захожу на кафедру и около получаса играю на кафедральном компе в Mario, запиваю игру чаем, которым меня любезно угощает лаборантка.

Как только у меня улучшается настроение, происходит что-то неосознанное, что тут же его портит. В тот день я шел домой, была почти зима, ветер лупил меня по лицу, я шел и думал: переживу ли я эту зиму. Ведь для меня это не просто зима, для меня это коммуникационная зима. Что-то вроде ядерной зимы. Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем? (**GOTO 325).**

925.

В подземке метро располагался целый город книжных развалов. Когда у меня были деньги, я всегда заходил туда посмотреть, что к чему. Надо сказать, что продавец Борис, которого я знаю уже почти 5 лет, всегда готовит к моему приходу что-нибудь интересное. В этом году я купил у него очень много книг, большую половину из которых он мне просто всучил. Не знаю, зачем я покупаю книги в таком количестве. Наверно, потому что он увивается вокруг меня, предлагая наперебой разные книги и заискивающе смотря в глаза. Раньше я в нем этого не замечал. Теперь же он прежде всего спрашивает, есть ли у меня деньги. Сейчас он мне рассказывает, как продал вчера целую кипу интереснейших книг какому-то хмырю, потому что меня он уже не надеялся дожидаться. Я спрашиваю типа, что за книги. Он говорит, что вчера был настолько бухой, что уже не помнит. Да и отдал он их за копейки. А потом – вот, посмотри, может, это тебе понравится. Нет, не нужно, нафиг мне Бердяев или Кроче. Я ему миллион раз говорил, что

меня интересует только новейшая философия, социология, психология, авангардное искусство и прочее, но только не такая хрень типа анализа творчества Ромена Роллана или Ремарка или западное реалистическое искусство последней трети XXв.

Я взял у него «Деперсонализацию» Меграбяна. Борис спросил меня: а что ты преподаешь? Экономику. Глаза его загорелись: у меня Котлер и еще много чего. Я ему сказал, что у меня дома много книг по экономике. Он замолчал и отошел. Потом я еще немного постоял, поскольку очень ясно почувствовал, что я для него надежда хоть на какой-то заработок. И если бы кто-нибудь заплатил ему за каждую подкладываемую в костер книгу, он без колебаний занялся бы и этим. (GOTO 374).

624.

Я пришел домой и упал на постель. Не знаю, сколько я так пролежал: час, два, вечность, - но я запомнил это зимнее солнце, размазанное по небу. Все начиналось довольно скверно. Я позвонил ей вчера под вечер. В ту ночь она не ночевала дома. А перед этим я купил на все свои деньги два билета в филармонию на Шостаковича. Я хотел ее пригласить. Но мне пришлось идти одному. Теперь, когда у меня нет работы, я пребываю в каком-то зазеркальном социальном измерении. 19:04. Я вошел в просторный холл. Вначале я пошел в сторону места, где обычно продавали диски. Но на свою недавно полученную месячную аспирантскую стипендию я ничего для себя приглядеть не мог.

Концерт был просто ужасным. Дирижировал какой-то дурила из Германии. 20:03. Я вышел, твердо про себя решив, что пойду к ней. Но не пошел. 20:14. Я иду к другу, чей приземистый магазинчик находится неподалеку. У входа за кассой его жена, довольно мрачная личность с цепкими руками и машинным взглядом. Обычно я спрашивал у нее типа “как дела” или “как ребенок”, но в этот раз у меня совсем не было настроения. Я прошел в кабинет, где работал мой друг со своими бухгалтерскими записями. Мы поболтали немного, а потом я ему сказал, что хочу ей позвонить. Он сказал ОК и вышел из кабинета. 20:56. Приятный голосок на том конце провода сказал: “алло”. Я сказал: привет, солнышко. А это была ее мать. Она сказала, что ее чадо придет к десяти. Я спустил за собой воду и вышел. 21:02. Распрощался со всеми и поплелся домой. Походил минут 20 по комнатам, затем приземлился у телевизора. В 22:10 я ей позвонил. Она сказала, что не может

сейчас говорить. Я перезвонил через час – никто не берет. Два – никто не берет. Я сидел как в жопе и смотрел телевизор, совершенно не разбирая что к чему. Так я просидел два фильма подряд. Две жизни подряд. (GOTO 29).

51.

Дальше события развивались стремительно. Я не спал всю ночь. В 7.00 зазвонил будильник. Я встал, быстро перекусил и выбежал из дома. Ровно в 8.43 я был возле ее дома. С утра было довольно свежо. От холода и стресса у меня стали слезиться глаза. Она жила в самом центре в квартире с балкончиком, на котором цвели цветы. 9:49. На балкон вышел ее отец, зевнул, потянулся, глянул вниз и вернулся в комнату. Я взбежал по ступеням и встал напротив ее двери. Я был не в себе. Я погибал. Я тихо постучал. Никто не открыл. Я постучал настойчивее. Открыл ее отец: чего тебе? Ваша дочь дома? Нет, не ходи больше сюда. И он захлопнул передо мной дверь.

День задуло как свечу. (GOTO 52).

Март 1998 – декабрь 2002.